
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Евгений Керч

Неверлэнд: секунда

«Автор»
2026

Керч Е.

Неверлэнд: секунда / Е. Керч — «Автор», 2026

Продолжение истории о заговорах, симуляциях, взаимоотношениях между людьми в самых разных ситуациях, а также о том, как меняют обстоятельства самих людей.

© Керч Е., 2026
© Автор, 2026

Евгений Керч
Неверлэнд: секунда

НЕВЕРЛЭНД: СЕКУНДА

Начинался новый день. В этот день медленно и лениво входил Евгений Борисович Карандашов - довольно приятный мужчина лет сорока, но почти седой, пухловатый. Возле молодого старичка лежал крошечный по сравнению с хозяином котенок, которого ему подарила дочка, чтобы животное создавало вдали от дома уют и тепло, как семья, сидящая напротив очага с душевно трещащими дровами.

— Опять ты сюда забрался?! Вот негодяй, — сказал Евгений Борисович, подталкивая мелкое существо к краю кровати: он не любил присутствия шерстяного чуда у себя под носом.

— Мяу! — слегка протяжно и с укоризной ответило животное.

— И нечего тебе возле меня делать! Я же специально для тебя постелил прекраснейший и удобнейший плед на полу! Так что же тебе может не нравится?

Он оделся, умылся, заправил кровать, опять пересадил мелкое пушистое существо на свое «место» и вышел из своей комнаты, похожей на увеличенную, но все еще неудобную капсулу, вальяжно побрел к общей столовой.

— Здравствуйте!

— И вам не хворать, — ответил немолодой ученый совершенно незнакомой лаборантке лет сорока, хотя, казалось бы, он должен знать каждую пылинку в этом месте и прогнозировать каждое действие и слово проходящих каждый день на протяжении десяти лет людей - именно столько он работал тут, а до этого лет десять набирался опыта в разного рода и разной степени паршивости лабораториях и в других местах, связанных с наукой.

Карандашов сел за свое рабочее место и принялся словно пианист жать на кнопки в определенном порядке в определенное время, чувствуя душой каждый такт этой операции. Ему определенно нравилось то, что он делал. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

— Евгений Борисович, тут это… — к нему подошла довольно знакомая женщина тридцати семи лет.

— Да, Ирочка? Что такое?

— *Сверху* пришло письмо…

— Ну и?

— Полная боевая готовность. Они написали, что мы должны перепроверить всё и держать руку на пульсе, ну и, заодно, на телеграфе.

— И в чем, собственно, дело? Обычная, я считаю, для нас ситуация. Что тут такого? Ты же сама знаешь, в каком состоянии находится мир…

— Раньше не просили быть *настолько* готовыми… Евгений Борисович, я боюсь!

— Всё хорошо, Ир. Всё будет хорошо…

— Женщина чувствовала себя лучше, судя по её виду и лицу.

— Надеюсь… — прошептал Карандашов.

Ирочка работала в соседнем отделе и занималась бумагами, но настолько сверхсекретными, что ей приходилось фильтровать по тысяче раз слова, прежде чем произнести их вслух. Вообще, она довольно милая и добрая, хоть работа заставляет её меняться, чему та изо всех сил сопротивляется, оставляя хоть каплю жизни для слабости, для радости и горя - для чувств в целом, что, по-хорошему, может сыграть с ней злую шутку на этом должности.

Евгений Борисович внутренне тоже приуныл, потому что понимал, что теперь его домой не отпустят. Но он же так хотел! Хотел-хотел, все хотели, но «не получилось», как обычно при-

нято говорить в подобных ситуациях, чтоб не сильно расстраиваться. Вечером он попытался дозвониться до дома, но связи не было.

— Ну конечно! Всегда была связь, даже в самые трудные и напряженные моменты, но когда понадобилось *мне* буквально пять минут, то тут сразу же галяк, как было принято выражаться нашим отцам.

Он бросил все попытки дозвониться, швырнул трубку и сел на кровать с стеклянным взглядом куда-то в пол или стену - не разобрать.

Через несколько, как показалось, секунд протрещал противный звонок. Мгновение - и некогда задумчивый мужчина стоял воодушевленный у телефонного аппарата.

— Жень, это ты? — донесся женский голос из трубки.

— Я-я! Как у вас там? У нас объявили полную готовность, поэтому, как обычно, я остаюсь здесь, — сказал, мгновенно погрустнев, мужчина.

— Да? Нам ничего по радио не передавали…

— Будьте осторожны, хорошо? запритесь в подвале, — давал наставления Евгений Борисович.

— Хоро…

Звонок прекратился, из трубки доносились только звенящие короткие гудки, наращивающие напряжение с каждой миллисекундой. Он ещё долго не мог уснуть.

Не выдержав напряжения и давления сгущающейся темноты в его жалкой комнатушке, мужчина вышел из своей каюты юнги, побрёл туда, куда вели ватные ноги.

Очутился на привычном месте, где проводил двенадцать часов своей счастливой жизни почти каждый день. Он сухо посмотрел на ракету за стеклом, закинул руку в карман и, пошерудив там, нашел привычную вкусную лимонную и очень жгучую конфету.

— Не желаете? — сказал Евгений Борисович, протягивая точно такую же конфету своей коллеге по цеху, которой, по-видимому, тоже не спалось.

— У вас там целый склад, ей-богу! Откуда вы их только берете… — сказала Ирочка, принимая угощение.

— Просто повезло. Например, вчера я не задумался о том, чтобы кого-то угостить, и в кармане, соответственно, конфет у меня не было. А сегодня чудесным образом две штучки оказались в кармане моих брюк. Сегодня необычайно красивое небо, да? — протянул Евгений Борисович, разглядывая тот небольшой кусочек черного полотна над головой, что получалось увидеть, буквально вгрызаясь в толстый слой бронированного стекла.

— И давно вы стали романтиком? Раньше, кажется, вас заботили чуть более бытовые проблемы, не так ли?

— Не совсем так. Я просто опускал другие проблемы в угоду простым вещам. А сейчас удалось увидеть то, что для кого-то кажется обыденным, но для меня отсюда кажется недостижимым, бесконечно далеким и необычайно прекрасным.

— Не могу не согласиться с вами, - кажется, эта манера общаться на «вы» изрядно надоела собеседнику женщине.

— Ир, может, хватит любезничать? Меж нами не так уж и много годиков, чтобы ты меня называла так, будто я старше тебя на лет сто. Давай на «ты»?

— Мне как-то неудобно…

— А мне неудобно, если ты все время выкаешь мне в лицо. Намного же, согласись, приятнее, когда тебе говорят «Женя», чем «Евгений Борисович», да? Будто я на ковре перед начальником, отчитывающим меня как школьника, брр!

— Л-ладно, Ж-жень. Ох, к этому надо привыкнуть… - на ее лице читалось даже что-то большее, чем смущение.

— Понимаю, понимаю, — сказал мужчина, всё ещё наблюдая за еле светящими звездами средь черного полотна небосвода, - ведь они чем-то похожи на глаза, да? Не у всех, конечно, так ярко кричать глаза…

— Из-за души? Ведь мало того, что кто-то более открытый, а кто-то менее, так ещё и сами помыслы у людей, бывает, кардинально отличаются.

— Стопроцентное попадание, Ир, стопроцентное. Как думаешь, действительно мы способны нажать на *ту* кнопку? — он указал на красный символ смерти под защитной тонкой пластиковой крышечкой.

— Я бы не смогла. Я не в праве решать судьбу миллиардов людей, решать, жить им или нет, благодарить судьбу или копить ее. Не в силах представить, что я стою с полной готовностью уничтожить, по факту, всё. Абсолютно всё…

— И что сейчас может быть не так? — и именно в этот момент он почувствовал что-то ногой, но не обратил внимания, сославшись на ветер и усталость.

— Думаю, что угодно. Это же ещё не апогей, даже не половина от того, что может нас ждать в худшем случае.

За их спинами послышались какие-то шорохи.

— Что это? — сказали они одновременно, обернувшись.

В слабо освещенной комнате с виду ничего не происходило.

— А ну стой! — сказала Ира, кидаясь к пульту, увидев маленькое животное, играющееся с крышкой красной кнопки.

— Осторожно! — Евгений Борисович тоже кинулся к пульту, поняв, кто стоял за этим.

Маленький непослушный игривый котенок прыгал по кнопкам и уклонялся от выпадов людей так же элегантно, как несколько часов назад здесь музицировал ас по части управления этим сложным аппаратом.

— Лови его! Это добром не закончится…

Случайным ударом локтя женщины откинула прозрачную крышечку и даже не заметила это. Котенок словно воспринял это как вызов: резко перепрыгнул через руки Ирочки и своей маленькой задней лапкой угодил аккурат в кнопку «Х».

Воцарилась тишина. Животное тоже резко успокоилось и приняло умиротворяющее положение на полу, а за стеклом зарычали боеголовки.

— Нет!!!

Мужчина бросился к пультам, метался туда-сюда по комнате, пытался вводить пароли для отмены, придумывал и вспоминал старые коды доступа. Рядом стояла Ирина, готовая расплакаться в любую секунду, но держащаяся себя в руках. Удивительно для нее быть внешне безэмоциональной сейчас, но в душе-то были взрывы, кровь, боль и слезы, будто целая цивилизация прикончила сама себя за считанные часы.

Евгений Борисович засунул руки в карманы, опустил голову и побрел в комнатушку. Он сел на кровать, посмотрел на холодильник, открыл его, увидел лишь недопитую бутылку мартини, завалявшуюся на самой верхней полке.

«Раньше её здесь не видел», — подумал мужчина и от нечего делать достал ее, ведь больше ничем сей механизм порадовать не мог.

Он сел за компьютер в своей комнате, открыл поисковик, что-то вбил в поисковую строку, резко встал и вышел из своей комнаты. Дойдя до общей столовой, открыл ящик со всеми кружками для напитков, обратил внимание на какой-то большой свёрток на предпоследней полке, поставил стакан на стол, налил воды, выпил, убрал стакан на место, снова заприметил тот предмет в бумаге на верхней полке. Потом отвлекся на что-то промелькнувшее в коридоре, опять достал кружку, забыв, что секунду назад пил, налил ещё раз, обратил внимание на этот сверток без какого-либо интереса и без каких-либо эмоций, убрал кружку на место и пошел к себе.

Потихоньку просыпались другие люди, которые, выходя из своих таких же норок, как у самого Карандашова, мило приветствовали старого героя, который уже не предлагал им завалявшуюся случайно в кармане брюк конфету, который как-то слегка странно шел и смотрел в никуда, игнорировал прохожих, а сам словно постарел лет на десять или даже пятнадцать, судя по лицу.

— Здравствуйте! — сказал один молодой лаборант.

— Утро доброе! — обратился через секунду другой.

— Утречка! — поприветствовала дама лет шестидесяти Евгения Борисовича, хотя тот не видел её ни разу и даже понятия не имеет, кто же мог это быть.

Он пришел в комнату, на пледе нервно спал скрученный в клубок котенок бело-черно-оранжевой окраски, которая раньше почему-то не так бросалась в глаза.

Карандашов допил брошенный в очередной раз мартини, лёг на кровать в одежде, закрыл глаза и просто начал дышать. Постепенно он убавлял темп за ненадобностью и даже не заметил, что стал дышать через раз для упрощения жизни организма.

Он попеременно спал и пил, вставал и ложился, ходил и сидел, никто почему-то так и не додумался поинтересоваться, а в чем, собственно, дело.

Как-то невзначай, словно вспомнив неожиданно для себя о существовании Карандашова, к нему кто-то заглянул.

— Т-ты не п-п-р-р-ротив моей… ик!.. компании? — в почти открытую дверь яхты юнги вошла Ирина.

— Нет, — сухо, тихо и спокойно бросил Евгений Борисович.

— Сос… тавишь мне компанию? — сказала женщина, протягивая бокал.

Мужчина не шелохнулся. Всё так же спокойно он лежал на неубранной кровати, а возле его ног приютилось маленькое бело-черно-оранжевое существо.

— Ну и ладно! — выпалила она, влив в себя содержимое предложенного бокала. Но уходить она не собиралась.

— Как там… снаружи? Говорят чего?

— Я не особо… интересуюсь этим. Какая, собсна, разница? — промямлила Ирина, проглатывая буквы.

— Ну да.

Смотря на коллегу, ему почему-то тоже захотелось сделать хоть что-то, что в последнее время было для него в новинку. С первой попытки мозг не достучался до конечностей.

— Можешь, пожалуйста, меня толкнуть? А то, кажется, ног нет.

Женщина встрепенулась и с завидным оживлением, а также с радостью пнула собеседника по ноге - та дернулась, и ее обладатель, наконец, смог неспешно подняться.

Евгений Борисович аккуратно встал, подошел к открытому шкафу до потолка и достал с антресоли пыльную бутылку бурбона.

— Друг подарил. Сейчас он, наверное, там же, где моя жена и дочка… — сказал Карандашов, наливая себе стакан. — Будешь?

Женщина молча подставила под бутылку емкость.

— Для розжига души, да? — сказал Евгений Борисович, отпив немного.

— Ага-а-а, — протянула Ирина, пародируя собеседника.

Наступила немая пауза, а вместе с ней воцарилась абсолютная тишина в маленькой комнатушке. Они молча сидели, смотря куда-то в сторону пола.

— А у… тебя? Был кто-то родной до… этого? — нарушил негласный обет молчания мужчина.

— У мен-ня? К-конечно! Кошка.

Карандашов поднял бровь. Из-под нее вылез уставший, заварившийся, с кровавыми подтеками глаз.

— Что? Я сирота! Поэтому-то сюда и пришла: только тут со мной обращались по-нормальному! — она сделала глоток и нахмурила брови, изобразив сильную горечь непонимания, хотя та действительно присутствовала где-то там, в глубине души, там, где никто никогда и не видел.

— Да?..

— Да! Представь себе!

— Знаешь, мне, наверное, повезло чуть больше, — сказал Карандашов, глядя на маленькое черно-бело-оранжевое существо, укутанное в удобный плед. — Может, ты заберешь его себе, раз ты такая кошатница?

— Так он же твой! Зачем отрывать от себя последнее, - в ее голосе появилась уверенность, речь прорезалась и стала более серьезной, будто женщина не была пьяна секунду назад.

— Если вы будете приезжать ко мне на выходных, то я не обижусь — сказал он, будто разговор не о котенке, а о любимом сыне.

— Спасибо, — Ирина подошла к пледу и почесала милое существо за ушком. — Думаю, у нас теперь больше свободного времени, в том числе для таких прогулок от ящика к ящику, — оглядывая комнату, сказала она.

— Не думаю… — неожиданно зазвонил телефон.

Мужчина встал с кровати, поставил на стол стакан и снял трубку.

— Евгений Борисович Карандашов у аппарата.

— Евгений Борисович? Наконец-то! Совет правительств приглашает вас к себе на ковер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.